

Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху» (Харьков, 7–8 апреля 2011 г.)

а историческом факультете Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина 7–8 апреля 2011 г. состоялся организованный совместно с Институтом всеобщей истории Российской академии наук Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху». В его работе, наряду с сотрудниками этих центров, приняли участие ученые из Болгарии, России, Польши и Германии, представлявшие Софийский университет «Св. Климент Охридски», Великотырновский университет «Св. Кирилл и Мефодий», Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный институт международных отношений, Белгородский государственный университет, Познаньский университет имени Адама Мицкевича, Немецкий археологический институт (Франкфурт-на-Майне). На четырех заседаниях было заслушано 19 докладов, обсужден широкий круг проблем, связанных с историей, материальной и духовной культурой древних народов Северного Причерноморья и фракийских земель во II тыс. до н. э. — V в. н. э.

Открытие симпозиума. Приветственное слово декана исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина С. И. Посохова

Слева: П. Делев, справа: С. Б. Сорочан

Работу симпозиума открыл доклад *В. И. Кадеева и С. Б. Сорочана (Харьков)* «О свидетельствах контактов Херсонеса Таврического и Западного Понта в первые века н. э.». Проанализировав археологические данные об экономических связях Херсонеса, авторы пришли к заключению, что объем торговли с западнопонтийскими центрами не превышал 4 % общего импорта города, однако с учетом транзитных товаров, поступавших через Мезию из Италии и западных провинций Римской империи, этот показатель достигал 10 %. При раскопках обнаружены и материалы, свидетельствующие о влиянии римской провинциальной культуры на быт, идеологию и изобразительное искусство Херсонеса. Найденные же в портовом районе города мраморные и известняковые рельефы с изображениями Фракийского всадника и Асклепия позволяют предположить, что по соседству со зданием казармы, у городских ворот, находилось святилище, которое посещали солдаты римского гарнизона фракийского происхождения.

В докладе *Д. Ботевой (София)*¹ были приведены аргументы в пользу новой интерпретации фракийских серебряных наколенников с позолотой из курганных захоронений IV в. до н. э. Всего таких наколенников известно четыре. Два из них происходят из Северной Добруджи, по одному — из Северо-Западной и Юго-Восточной Болгарии. Верхняя часть наколенников оформлена в виде человеческого лица, трактуемого в современной историографии как изображение Великой Богини-матери. В двух случаях на лицах присутствуют позолоченные линии, вероятно, обозначающие татуировку или временную раскраску. Эта особенность сближает их с изображениями на серебряном сосуде из с. Мاستюгино в Воронежской области, также обнаруженном в курганном погребении. По мнению докладчицы, детальный анализ дает серьезные основания для переосмысления устоявшихся представлений как о функциональном назначении раскопанных предметов, так и о семантике присущих им изображений.

Е. Хатлас (Познань) в своем докладе суммировал сведения об исследовании купольных гробниц во Фракии. Их изучение продолжается уже 160 лет, с тех пор как в 1851 г. был раскопан курган у с. Розовец. По данным автора, в настоящее время на землях древней Фракии известно 36 купольных гробниц V—III вв. до н. э. Кроме того, на этой территории обнаружен ряд купольных гробниц римского времени, а также псевдогробниц.

Доклад *П. Делева (София)* «**Войны на севере, от Филиппа II до Лисимаха**» был посвящен анализу свидетельств о военных экспедициях в северном направлении, предпринятых македонянами в период с 339 по 291 г. до н. э. К их числу относятся походы Филиппа II против скифского царя Атея в 339 г., Александра III против трибаллов в 335 г., Зопириона в Северное Причерноморье между 332/1 и 326/5 гг., а также две войны Лисимаха против гетского царя Дромихета. Информация источников об этих событиях скупа и порождает немало проблем. Особое внимание в докладе было уделено дискуссионному вопросу о целях, которые преследовали инициаторы «северных» походов. По словам автора, единой и последовательной политики, направленной на завоевание земель Нижнего Подунавья и Северного Причерноморья, у македонян не было; их акции имели различные, обусловленные той или иной конкретной ситуацией цели и практически не были связаны между собой.

В докладе *И. Тодорова (Велико Тырново)* «**О происхождении названия Филиппополь фракийского города Пульпудева**» были проанализированы существующие в научной литературе мнения относительно топонима Филиппополь. Было отмечено, что наименование современного болгарского города Пловдив чаще всего связывается с названием находившегося в древности на его месте фракийского города Пульпудева. В исторических источниках топоним Пульпудева засвидетельствован поздним римским писателем Иорданом. Однако в трудах античных писателей эллинистического и римского времени город фигурирует и как Филиппополь. Его переименование связывают

¹ Аннотации докладов приводятся в порядке их заслушивания.

с походом Филиппа II Македонского в 342/1 г. до н. э.; политикой Филиппа V Македонского по отношению к Фракии в 183 и, вероятно, 181 г. до н. э.; событиями римского времени, связанными с правлением императора Филиппа Араба (244–249 гг. н. э.).

К. Ю. Нефедов (*Харьков*) посвятил свой доклад проблеме царского культа в державе Лисимаха. Автор отметил, что культ Лисимаха мог существовать только в среде эллинской части его подданных, поэтому степень распространения и характер этого культа во многом зависели от политики Лисимаха по отношению к греческим полисам. Другим важнейшим фактором, оказывавшим влияние на утверждение царского культа в державе Лисимаха, были властные амбиции этого диадоха, которые росли по мере расширения границ его владений и нуждались в надежном обосновании. Под воздействием этих обстоятельств отношение Лисимаха к культу правителя постепенно менялось, и, в конечном счете, прошло три этапа: 1) полное неприятие царского культа до победы над Антигоном и Деметрием в битве при Ипсе в 301 г. до н. э.; 2) поддержка и распространение посмертного культа Александра Македонского в период от битвы при Ипсе до падения Деметрия в 286 г. до н. э.; 3) распространение собственного культа Лисимаха во времена его наивысшего могущества в 286–281 гг. до н. э.

С. В. Дьячков (*Харьков*) в докладе «**Фракийский след римского времени в портовом районе Херсонеса Таврического**» обратил внимание на присутствие в составе размещенного в городе в первых веках н. э. римского гарнизона выходцев из фракийских земель. Как показали раскопки экспедиции Харьковского университета на участках «Центр квартала» и «Казарма», во второй половине I в. н. э. на месте одного из находившихся там ранее центров общественной жизни возникли крупные хозяйственные комплексы, вероятно, ориентированные на обслуживание нужд римского гарнизона. Археологические находки и данные просопографии показывают, что среди жителей этой части Херсонеса оказались и выходцы из балканских и малоазийских провинций Римской империи. Высказанное ранее В. И. Кадеевым предположение о существовании там фракийского святилища подтвердилось находкой алтаря, на котором упоминается военный трибун, носивший имя, имеющее явно фракийские корни — Луций Юлий Муказенус.

О. М. Ильина (*Харьков*) проинформировала о результатах раскопок открытого в апреле 2007 г. на месте античного Дионисополя (совр. г. Балчик) храма Понтийской Матери богов Кибелы. Особое внимание при этом было уделено обнаруженным в ходе археологических работ скульптурным изображениям богини, которые относятся к эллинистическому и римскому времени. Почти все найденные в храме скульптуры изображают Великую Мать богов восседающей на троне, в длинном хитоне и гиматии, с тимпаном в левой руке. В пяти случаях на коленях у нее лежит львенок. Подобным образом богиню изображали во многих полисах Западного Причерноморья. Иконография же главной храмовой статуи несколько иная. Богиня также восседает на троне, одета в длинный хитон и гиматий, но в поднятой левой руке она держит жезл, в правой — фиалу, а рельефное изображение льва украшает правую сторону трона.

В докладе **Д. В. Грибанова** (*Харьков*) был представлен опыт сравнительной характеристики агораномии в полисах Боспора и Западного Понта. Условия деятельности агораномов в этих областях Причерноморья значительно отличались: на Боспоре она протекала в обстановке, по сути, монархического режима, а в западнопонтийских городах являлась элементом демократического устройства. Тем не менее эпиграфические источники свидетельствуют о том, что существенных различий в организации, функциях и социально-политической роли агораномии на Боспоре и в полисах Западного Причерноморья не было. Следовательно, как отметил в заключение автор, преобладающее в современной историографии мнение об исчезновении или существенной трансформации полисных институтов власти на Боспоре после образования там единого государства Спартокидов нуждается, по меньшей мере, в корректировке.

А. Г. Чередниченко (*Белгород*) выступил с докладом «**О происхождении пиерийских фракийцев**». Подчеркнув этническую неоднородность населения древней Фракии,

а
н
н
о
р
х
я
н
а
у

он отметил, что предки собственно фракийцев обитали в долине р. Марица и близ пролива Босфор уже в XVIII—XVI вв. до н. э. Позднее туда стали прибывать и небольшие группы восточноиндоевропейских («сатемных») этносов из Малой Азии. Если признать верной концепцию единого этногенеза фракийцев, то фракийцы, проживавшие в области Пиерия на юго-западе Македонии, предводителем которых был легендарный Орфей, вероятно, являлись переселенцами из фракийских земель за р. Стримон. Согласно Паросской хронике, это их переселение произошло в начале XIV в. до н. э. Аналогичным образом мигрировал и еще один близкий фракийцам народ — мигдоны, перебравшиеся из западной Фригии на полуостров Халкидика.

С. Г. Карюк (Москва) в докладе «Фукидид — фракиец? Фракийский компонент в биографии и сочинении основателя научной историографии» подчеркнул, что роль родственных, ксенических, экономических и политических связей историка с фракийской знатью нельзя недооценивать. Неоспоримым представляется происхождение Фукидида от фракийского царя Олора I, которому историк приходился праправнуком. Никакие ксенические отношения не могут объяснить того, что Фукидид владел во Фракии наследственным правом на аренду рудников, а также пользовался в этом регионе особым политическим влиянием. Скорее всего, он унаследовал эти позиции от Кимона, возможно, подкрепив их женитьбой на знатной фракиянке. С учетом того, что никаких полководческих заслуг за Фукидидом к тому времени не числилось, примечательным представляется и его назначение в 424 г. до н. э. одним из двух афинских «стратегов во Фракию». Наконец, не исключено, что фракийские связи Фукидида могли определенным образом способствовать обнародованию его труда — существует предположение, что Ксенофонт мог получить экземпляр сочинения Фукидида от дочери писателя, проживавшей во Фракии.

А. П. Мартемьянов (Харьков) посвятил свое выступление трем идентичным надписям с территории античного Филиппополя. В них сообщается о том, что в 211 г. н. э. по распоряжению императорского легата Фракии Кв. Атрия Клония были установлены *ἄροι ἀρούρῳ Βενδιπάρων*. Есть основания считать, что надписи обнаружены *in situ*, и это, казалось бы, дает уникальную возможность представить размеры земельных владений фракийского села. Однако на межевых знаках не указано, что Бендипара — это *κόμμη*, а между тем обозначенная ими площадь для одного села слишком велика — с юго-запада на северо-восток она простирается более чем на 10 км. Согласно гипотезе В. Динчева, Бендипара была не селом, а *κομαρχίει* — «административным объединением нескольких сел». По мнению автора доклада, такое заключение является, в принципе, оправданным, однако воспринимать его следует с осторожностью: не исключена вероятность того, что Бендипара являлась *имением*, причем, с учетом его размеров, скорее всего, императорским.

Е. В. Ляпустина (Москва) выступила с докладом «Община в историографии античности XX в.: предмет изучения и инструмент анализа», в котором проанализировала специфику восприятия термина «община» ведущими специалистами прошлого столетия и высказала ряд оригинальных соображений относительно перспектив дальнейшего использования этого научного понятия при исследовании истории древних обществ.

В докладе **А. Б. Акимова (Харьков)** была дана сравнительная характеристика сельского самоуправления в Дакии и Малой Скифии. Основными типами сельских поселений и там, и там были *vici* и *pagi*. В римской Дакии к настоящему времени их известно всего пять. Иная картина наблюдается в соседней Малой Скифии, о сельских магистрах (или магистратах) и квесторах которой имеется более тридцати упоминаний. Наряду с этими должностными лицами, в надписях из Дакии и Малой Скифии также упоминаются сельские префекты и принцепсы, однако принадлежность последних к числу деревенских магистратов представляется сомнительной. Судя по данным эпиграфики, значительное место в сельском самоуправлении, особенно в Дакии, принадлежало ветеранам римской армии. Этнический состав деревенских магистратов Дакии одноро-

ден — все они носят римские имена; в Малой Скифии среди имен сельских должностных лиц, наряду с римскими, нередко фигурируют греческие и фракийские.

Б. С. Ляпустин (Москва) представил вниманию аудитории доклад «Провинции в хозяйственной жизни знатной римской фамилии II в. до н. э. — I в. н. э.». Было отмечено, что провинции оказали существенное влияние на экономическую жизнь римской знати, позволив ее представителям обогащаться за счет военной добычи, торговли и финансовых операций. Фамилия как основная социально-экономическая ячейка, вслед за *civitas*, вышла за пределы Италии, что приносило большие прибыли, но в то же время осложняло контроль *pater familias* за ее представителями на отдаленных территориях. Одновременно успешно руководить хозяйственной деятельностью в провинциях и заниматься политикой в Риме стало невозможно. Это разделило римскую знать на всадников, которые были заняты откупам и финансовыми операциями, и сенаторов, погруженных в политику. Последние постоянно нуждались в деньгах, которые фамильная собственность не приносила в достаточном количестве. Это было проявлением кризиса фамилий знати в эпоху кризиса римской *civitas*.

И. П. Сергеев (Харьков) в докладе «Фракия и фракийцы в политической жизни Римской империи в период кризиса III века» отметил, что, хотя на территории Фракии и не размещались значительные военные силы римлян, эта провинция и ее уроженцы, тем не менее, играли в кризисных для Империи событиях вполне определенную роль. Во-первых, Фракия и фракийцы в 235 и в 275 гг. н. э. имели прямое отношение к смене ее правителей. Во-вторых, через территорию Фракии продвигались собранные в европейской части Империи военные силы, направлявшиеся на восток для борьбы с внешними врагами римлян или с целью пресечения исходивших из восточных провинций попыток узурпации императорского престола. В-третьих, фракийские земли упоминаются в трудах античных авторов в связи с вторжениями варваров в пределы провинции Фракия.

Г. Зоммер фон Бюлов (Франкфурт-на-Майне) проинформировала присутствовавших о новых результатах совместных сербско-немецких раскопок позднеантичного дворца на территории, принадлежавшей римской провинции Прибрежная Дакия, у совр. Гымзиграда (Сербия). Этот возведенный императором Галерием (293–311 гг. н. э.) в его родной провинции величественный дворец занимал 4 га и был окружен каменной стеной с двумя воротами и двадцатью круглыми башнями. Археологическое исследование объекта продолжается уже 60 лет. С 2004 г. оно проводится совместными усилиями сербских специалистов, продолжающих изучать внутреннюю часть дворца, и немецких археологов и геофизиков, которые ведут работы в его окрестностях. В результате геомагнитных исследований удалось обнаружить поселение, превышающее по площади «Императорскую территорию». Оно было также окружено стеной, но имевшей только одни ворота и не укрепленной башнями. В ходе раскопок была обнаружена *basilica civilis* длиной 100 и шириной 25 м, пол которой покрыт многоцветной мозаикой. Судя по монетным находкам, базилика была разрушена в третьей четверти III в., т. е. до строительства дворца Галерия.

В докладе **Н. Н. Болгова (Белгород)** «Гонения на христиан у готов во второй половине IV в. Балканы или Таврика?» была предпринята попытка анализа религиозной ситуации, сложившейся в готском обществе в интересующий автора период. Христианизация «внешних готов», в отличие от готов Ульфилы, сопровождалась гонениями. В источниках описываются жития и мученичества готов, пострадавших преимущественно в 370-е годы. Особого внимания заслуживает история 308 готских мучеников, свидетельствующая о наличии у готов в эпоху гуннского нашествия сложного политического устройства, существовании у них, наряду с «центральной» властью, небольших местных «княжеств». Несомненный интерес в данном случае представляет и гендерный аспект мученичества — среди пострадавших много женщин. Наконец, одним из самых важных является вопрос о том, где происходили эти события. Весь их исторический

Рабочее заседание

В первом ряду слева направо: С. Г. Карпюк, Е. Хатлас, А. П. Мартемьянов, П. Делев, И. П. Сергеев, Д. Ботева, Г. Зоммер фон Бюлов, И. Тодоров

контекст свидетельствует в пользу Балкан (страна Гуттиуда), однако некоторые топонимы Крыма позволяют рассматривать и «крымскую» версию случившегося.

К. Ю. Бардола (Харьков) уделил в докладе внимание особенностям организации внешнеторговой деятельности в провинциях Восточной Римской империи в IV—V вв. н. э. Если до середины IV в. внешняя торговля велась там практически без контроля со стороны центрального правительства и во многом зависела от политики местных властей, то во второй половине этого столетия ситуация меняется. Императорский двор постепенно концентрирует в своих руках функции контроля над торговлей в ущерб интересам местных городских бюджетов. Государственная политика по отношению к внешнеторговой деятельности становится более унифицированной. При этом императоры использовали контроль над внешней торговлей, как правило, для решения общеполитических задач, а не в бюджетных целях. По свидетельствам источников, применительно к некоторым регионам подобная политика оказалась достаточно эффективной. Однако попытки осуществления жесткого контроля над внешней торговлей на Дунае успеха не принесли.

Материалы симпозиума планируется издать отдельным сборником.

А. П. Мартемьянов

